

СОВА ИЗ РЫБАЦКОГО ПОСЕЛКА

Рассказ

Три дня восточный ветер перебрасывал снег с песком. Камчатская пурга сметала этот песок с прибрежной полосы и швыряла его пополам со снегом. Все живое попряталось, а пурга рыскала по углам и укромным местечкам, стараясь выхватить когонибудь и позабавиться им.

Швырнув наземь первого прилета кряковую утку, она сильным ударом заодно выбила из-под орешника зайца и подбросила его как шапку. Заяц неистово заверещал, но крик его потонул в свисте и реве ветра. А пурга собрала всю свою силу и обрушилась на Чертову сопку, темную от осеннего пала. Старая бойцовская сопка выдержала удар, только чуть недовольно загудела в ответ. Что-то сразу надломилось в буйном характере пурги и, вмиг потеряв свое удалство, ветер утих. Медленно, словно нехотя теперь оседало все, что было захвачено у земли. Откуда-то сверху упал ребром лист фанеры и воткнулся в снег.

Федька Диун, по-прозвищу Сова, накинув старенькую телогрейку, вышел в холодные сени. Отодвинув засов на дверях, он натолкнулся на твердую утрамбованную ветром стену снега.

Ударил ногой, да что толку. Загребавши широкой ладонью гладкий черенок лопаты, начал пробивать выход.

С черными жесткими волосами, но чисто русским лицом, Федька был красив, как все метисы. Он не знал отца и сколько помнит себя — они жили с матерью на рыбоконсервном заводе. Мать всегда была на работе, а Федьку всегда звали Совой. Усталости он не знал и постоянно был занят делами. Отдыхал всего два-три часа в сутки. Мать как-то сказала, что это у него наследство от предков оленеводов. Сова на своих предков в обиде не был и даже гордился, что он не такой, как все. Зато жители поселка распустили слухи про его необыкновенную способность, уверяя, что Сова не спит вовсе. Вновь прибывший, непременно еще заочно знакомился, с Совой, а из уст хорошего рассказчика он выходил вовсе уж сказочным. Он же никогда не был близок людям, а с годами отчужденность сказывалась еще больше. Будь Сова не Совой, не одна бы рыбацкая дивчина зацвела румянцем, а сейчас он для всех был только Сова из рыбацкого поселка.

Голодные собаки, почуяв конец пурги, выкарабкались из снежных нор и, дымясь густым паром, запрыгали, затрясли косматой шерстью. Увидев Сову, они кинулись ему навстречу, каждая по-своему выказывая свою

преданность. Больше десятка рослых ездовых окружили его и не давали дороги. Сова незлобиво пнул одну, другую под подтянутые животы, и вся свора мигом рассеялась по местам. Сова подходил к каждой и, покопавшись в снегу, вытаскивал цепь с ошейником. Перед пургой он освободил их от привязи, чтобы придавленная снегом цепь не задушила собаку. Покончив с этим, он подошел к чуть заметному бугорку, стал его разгребать и выламывать большие слежавшиеся куски снега. Оттуда послышалось сердитое рычание с длинным перекатом: «Р-р-р...».

— Пурга, не узнаешь, клыкастая? Ну-ну, сама тоже родилась, когда черт лапти проветривал. Дай гляну, что там у тебя!

Он сунул руку под снег и вытащил, новорожденного щенка. Окружающие его собаки заскулили, облизываясь красными слюнявыми языками. Он опустил щенка под телогрейку и по очереди вытащил еще два живых комочка, неудовлетворенно хмыкнув: «Не густо, Пурга!» Потом поднялся на ноги и зашагал в сторону чуть видневшегося из-под снега сарая. Пурга, разгребая себе путь, выскочила из норы и затрусилась ему вслед, чуть покачивая тугими сосками.

Короткая весна отшумела пронзительно холодным ветром Охотского моря. И, возможно, сознавая, что мало дала тепла этим краям, расщедрилась и засеяла сплошь густыми травами землю. Не обделила сопки, ущелья и даже скалы вплоть до прибойной полосы моря, где нескончаемо перекатываются тугие пенные волны. Травы и цветы соседствуют со снегом, залежалым и темным. Во многих местах он будет лежать чуть ли не до осени. Местные жители пользуются этим и делают на снегу стоянки для собак. Ездовым нужна прохлада, и они размещены так, что ни одна из них не достанет другой. Среди них, молодые нынешнего помета, все как на подбор серо-белого цвета. Они затевают между собой игру, поднимают лай и визг.

На самом краю поселения молодых собак выделялось существо черного, как вар, цвета. Неимоверно крупная голова размера взрослой собаки, широкая спина, так что лопатки отстоят друг от друга неестественно далеко, толстые кривые ноги и выпирающий позвоночник делали этого щенка чуть ли не уродом.

Сова давно приглядывался к нему и никак не мог понять, что же из него выйдет. Опытные каюры советовали избавиться от него и не переводить зря корм. Приезжий ветеринар, осматривая собак, сказал, что природа сыграла с ним злую шутку. Не похожий на других, щенок обладал неограниченным аппетитом м как морская птица баклан с жадностью глотал непрожеванные куски рыбы. Как-то само собой за ним укрепилась кличка Баклан.

Баклан не участвовал в забавах подрастающих собак и на попытки какого-нибудь шалуна поиграть с ним ворочал своей большой головой и со злобой щелкал клыками, мигом ставя того на место. В конце концов он заслужил среди сородичей репутацию недотроги со скверным характером. Он мог лежать часами и смотреть на далекие вершины сопки или проплывающее дымчатое облако.

Начали выдаваться жаркие дни. Снег под стоянкой все убывал и тут откуда-то накатила болезнь на собак. Баклан смотрел на их муки как бы издали, не сочувствуя и не придавая этому значения. Правда, многовековым инстинктом он чувствовал вокруг себя смерть, но это его не касалось. Мир, в котором он жил, был незыблем и бессмертен, как он сам. Но однажды среди ночи Баклан проснулся от резкой боли в животе. На утро уже едва держался на ногах.

Сова осмотрел его стоянку и покачал головой, а потом решил: «Пойду пенициллину найду, говорят, хорошее лекарство».

Спустя некоторое время Баклан уже лежал на боку и, прикрыв глаза, тяжело дышал. Он мог слышать

разговор, который вели между собой два каюра, собаки которых стояли рядом: «Готов! Быстро же его свалило».

Потом его цепь отстегнули от общей проволоки и потащили куда-то по мокрому снегу.

...Свежие травы издавали бодрящие запахи лета. Сова наклонился над Бакланом.

— Живучим ты оказался. Считаю, со свалки тебя притащил.

Баклан внимательно слушал хозяина и моргал влажными глазами. За время болезни ему неожиданно открылся новый мир, в котором самым главным стал Сова. Он теперь всегда тосковал и ждал только его.

Шло время. Баклан поправлялся. Болезнь послужила переломным моментом в его развитии. Все, что раньше казалось в нем уродливым, стало приобретать форму мощную и развитую. В восемь месяцев он мог поспорить с любым вожаком в поселке. При встрече с какой-нибудь любопытной собакой он просто сталкивал ее с дороги своей широченной грудью.

Сразу же после болезни Сова попытался отвести его на прежнее место, но никакие уговоры и даже сила не помогли. Баклан рычал, ворочал дикими глазами и, упираясь, скреб землю когтями. Наконец Сова оставил его в покое. Он был далек от того, чтобы заняться его дрессировкой. Как-то зашел разговор об умных собаках. Каждый вспоминал что-нибудь примечательное.

Сова, по обыкновению ничего не говоря, принес мешок из-под соли и нагреб песку чуть ли не до половины. Потом завязал его и, подзвав Баклана, приказал: «Неси домой!». Баклан никогда не слышал такого приказа и внимательно посмотрел на мешок. Послышался смех каюров. Никто не принимал всерьез эту затею. Сова махнул рукой в сторону своего дома и повторил: «Неси домой!».

Баклан подошел к мешку и несколько раз перехватил зубами около завязки, а потом рывком оторвал его от земли.

Все замолчали.

Баклан, шатаясь под тяжестью, побрел в сторону дома. Было видно, что ему не легко.

Скоро он вернулся и улегся на свое место. Зрители стали просить Сову поощрить собаку.

— Не приучен! — буркнул Сова.

Выдалась хорошая погода. Надо было вывезти дрова, которые заготовили на склонах сопки еще летом. Создали две бригады из опытных каюров. Рассказав обстановку, директор спросил у людей, какие будут вопросы.

Все зашумели.

— Понятно, чего там! Не первый год. Юколы побольше отпускайте. Собак хорошо кормить надо.

— А я не пойду в бригаду! — хлопнул рукавицами Сова, выступив вперед.

— Как не пойдешь? — изумился директор.

— Не пойду! Один буду возить. Пока они утром раскочаются, я ходку сделаю.

— Единоличник нашелся! Точно — сова! — бросил кто-то обиженный реплику.

— Не дури, Федор, — попробовал урезонить его директор.

Но тот уперся: «Не пойду и все!».

— Ну и пускай сам возит. Нечего уговаривать, — решили рабочие и разошлись недовольные им. Он же шагал домой веселый: «Один не меньше бригады навожу. Эге!».

Верно, за ним угнаться было трудно. Меняя собак, он на зависть всем возил и возил одну нарту за другой. Добрался почти до вершины сопки, где лежали штабеля на три-четыре нарты. Их, правда, сильно занесло снегом, но предусмотрительно поставленные шести с пучками травы легко указывали к ним путь.

Погода стояла ясная. Снег пропах морозной свежестью, а далеко внизу виднелось море, забитое льдами и шугой. К другим штабелям подъехали бригадные нарты, и каюры приступили к погрузке. Сова, управившись, затянул

ремни, закрутил стяжки на поклаже и начал надевать цепи на полозья. Он готов был ехать, когда услышал крик. Приглядевшись, узнал старого охотника, а сейчас бригадира Кирдяшкина. Тот подошел, проваливаясь в снег по грудь.

— Ехать собрался?

— Что же еще?— так же вопросом ответил Сова.

— Федя, не торопись. Видишь, Верблюды задымился. Там закрутило. Жди пургу. Вместе пробиваться давай!

— Какнибудь!— неопределенно отозвался Сова, продолжая возиться с нартой.

— Не валяй дурака, Федор!

— Пошел к черту!— и ухватился за жердину.

— Тьфу! — плюнул себе под ноги бригадир и пошел к своим нартам.

Сова тронулся в путь. Нарты нагребали впереди себя снег и двигались недостаточно быстро, мешали цепи торможения. Сова брел позади, а рядом с ним, бултыхаясь в глубоком, рыхлом снегу, прыгал Баклан.

Вдруг, разом, с востока рванул ветер. На Камчатке его так и называют «Восток». Снег закрыл все и даже собак упрятал с глаз, он забивал рот, глаза. Нарты остановились. Сова наощупь подлез под дрова и передвинул тормозящие цепи назад, к самому краю полозьев. Тронул упряжку. Нарты сначала медленно, затем все быстрее начали набирать ход. Сова, боясь отстать, прыгнул на выступающий полоз, забрался на дрова.

«Много передвинул»,— мелькнула тревожная мысль.— Но было поздно что-то предпринимать. Он тут же услышал под собой визг.

Это нарты подмяли под себя упряжку. Визг собак остался позади, растаяв в реве пурги.

- «Хорошо! Оторвались!» — отметил про себя Сова и тут же ринулся куда-то вниз. Сначала его всего мяло немилосердно, бросало через голову, било по лицу, потом он уперся ногами и почувствовал боль. Очнулся, как ему показалось, сразу, но почему-

то почувствовал неприятную раздвоенность времени. Что-то было там, за барьером, и вот оно есть и сейчас, и отсчитывает доли секунды, но оно отделено друг от друга навсегда. Сова стал думать совсем о постороннем, но это постороннее было отнюдь не чуждо происходящему. А пурга со свистом и шорохом кидалась на него цепным псом. Снег заметал лежащего.

Кто-то толкнул его голову, задышал теплом в лицо, потом его рывками потянуло из сугроба.

— Баклан!— крикнул точно в пустоту Сова и сразу же почувствовал нестерпимую боль в ноге выше колена. Сознание прояснилось и только теперь он понял: беда!

— Домой, Баклан! Домой! — и Баклан, будто слыша его приказание, рывками потащил его вперед.

Немного прояснилось. Шквал ветра унесся к побережью.

Баклан почему-то забеспокоился, часто останавливался, нюхал воздух по ветру. Сова сначала не мог понять его беспокойства, но когда приподнялся и сел, то увидел среди снега мелькающую темную фигуру. Она скорее всего была похожа на пробирающуюся среди сугробов лошадь. Это даже чуть не рассмешило Сову своим неправдоподобием.

— Медведь!— ужаснулся он тут же и, закатав штанину, напущенную на валенок, выхватил нож. А Баклан уже прыгнул навстречу зверю. Сове хотелось остановить его ведь только один взмах медведя — и все! Останется с глазу на глаз с медведем один искалеченный Сова...

...А Баклан словно плыл среди навороченных сугробов. Пес был почти рядом с медведем и вдруг резко пошел на сближение. Зверь тоже устремился на свою жертву. Баклан сделал еще один большой прыжок и отскочил в сторону. Медведь не сохранил равновесия и через голову полетел в снег. Это было похоже на игру. А Баклан воспользовался заминкой и уже яростно теребил -

лютому врагу «штаны». Медведь крутнулся и клацнул пустоту, а потом кинулся за улепетывающей вовсю собакой.

Баклан уводил его все дальше, и Сова не мог видеть, как зверь все-таки настиг пса и за ним потянулся след в кровавых пятнах. Развязка была недалеко. Но тут из-за кедрача разом со всех сторон на медведя навалился шквал визга и лая, и он ошеломленно остановился. Кирдяшкин раз за разом ударил из двустволки, и косматый зверь скрылся под сворой собак.

Сову уложили на нарты. Рядом поместили Баклана, который сразу же закрыл от усталости глаза. Можно было уснуть и Сове, но он никак не мог этого сделать, потому что ждал, когда к нему подойдет Кирдяшкин. А тот не подходил и даже не смотрел в его сторону. Но Сова знал, что он подойдет непременно и вместе со всеми увезет его в тепло поселка, к людям.